

Новые журналистские технологии действительно эффективны

Ирина ЛУКЪЯНОВА, ТВ "СКАТ"(Самара)

Меня, честно говоря, сильно задело то, о чем сказала Света, потому что мне это напомнило одну историю из моей журналистской деятельности. Где-то году в 85-ом я работала в областной "Молодежке" и была в районе, где случилась очень похожая ситуация. Там была школа, в которой ребятам не разрешали после девяти оставаться на дискотеках. И я помню, как написала критический материал с таким комсомольским задором и полной уверенностью в своей правоте. А потом было письмо директора этой школы – кстати, ветерана войны, заслуженного человека, который и муштровал всех этих ребят. И мы с ним разбирались по поводу этой публикации. А спустя три месяца мне из этого села пришло известие: директор школы умер. С этим грузом я тогда справиться не смогла и годика на четыре из журналистики ушла. Пошла в школу.

У меня сейчас растет ребенок, и я знаю, что в нашей области каждый четвертый подросток – наркоман, и в Тольятти растет сегодня число заболевших СПИДом наркоманов (а это молодые люди от 14 до 20 лет – чуть-чуть постарше тех ребят, о которых я тогда писала). Мне кажется, что иногда мы чрезмерно уверены в своей правоте, и в своей оголтелости творим гораздо больше худших вещей, чем те, кого мы считаем своими оппонентами.

И другая грань проблемы: дело не только в том, что у нас происходит в школах. А что у нас происходит в семьях? Что усвоит ребенок, которому мать говорит: "Чтоб ты сдох". Никакая школа ему не поможет никогда. А сколько у нас таких семей?

Но это так, реплика по поводу выступления Светланы. А рассказать я хочу о том, что мы тоже оказались в числе победителей конкурса по гражданской журналистике. Результатом реализации проекта "Гражданский Диалог" стала программа "Эксперт–Студия", которая у нас выходит в эфир уже почти год. Здесь прозвучало мнение по поводу того, когда программа сможет достичь уровня, позволяющего ей существовать уже без финансовой поддержки. Примерно год нам понадобился для того, чтобы выйти на такой уровень. На сегодня это одна из самых рейтинговых программ в области, причем особенно приятно, что она в этом смысле находится рядом с информационными программами.

За счет чего это стало возможным? Я думаю, что здесь сработала сама идея, которая оказалась живой и саморазвивающейся. Мы следовали той логике, о которой писали в конкурсной заявке. Во-первых, мы не взяли на себя смелость определять, что хотят видеть наши зрители. Мы стали играть точно по тем правилам, которые для себя установили, и прежде чем тематически выстраивать ежемесячно свою программу, мы проводили фокус–группы с лидерами некоммерческих организаций. Сейчас можно сказать, что это постоянно действующий общественный совет программы, потому что, как правило, кто-то приходит и уходит, но костяк остается. А лидеров местных профессиональных сообществ (я имею в виду юридически оформленные сообщества журналистов) мы на фокус–группы не приглашали специально, потому что это, с точки зрения социологии, совсем неправильный шаг.

Таким образом, мы формировали каждый раз тематику всех наших программ на месяц. Каждая программа предполагала проведение опроса. Это был опрос не более ста человек по теме каждой конкретной программы. Правозащита, вообще столкновение с любыми властными органами, с милицией и так далее, психологическая помощь, предвыборная ситуация, манипулирование общественным мнением – это темы, которые волнуют очень сильно и получают живой отклик.

Что еще для нас было важно именно в структуре программы? Во-первых, обязательное присутствие разных точек зрения. У нас четыре структурных блока. Это студийный разговор, где ведущий-модератор выстраивает диалог между участниками. Есть сюжет, который готовит наш журналистский коллектив, – это взгляд журналистов на проблему. И есть две рубрики, где мы тоже предоставляем слово людям, – это "вокс поп" (или уличный опрос по проблеме, или история человека, побывавшего в той или иной ситуации, знающего ее изнутри). И еще одна рубрика – это особое мнение, либо сильно отличающееся, либо чуть более авторитетное, внутри программы. Вот то, что мы выделяем в отдельные рубрики, и таким образом нам удается достичь максимально полного подхода к проблеме.

И, естественно, обратная связь со зрителями, которая для нас крайне важна. Причем, здесь мы не до конца реализовали потенциал, заложенный в программе, но это в силу того, что мы работаем в записи. Что мы сделали? Во-первых, мы принимаем звонки и пейджинговые сообщения во время программы, во-вторых, у нас в газете "Седьмой канал" существовала постоянная рубрика "Эксперт-Студия отвечает": все то, на что мы не могли ответить внутри программы, мы переводили на газетные полосы, и люди получали ответ. Таким образом мы выстраивали систему обратной связи.

Кроме того, в рамках этого проекта возникла идея семинара: "Журналистика, социология, общество: манипулирование или сотрудничество". Провели мы его в апреле. Для нас эта тема особенно актуальна потому, что Самара сейчас плавно переползает из одних выборов в другие. И у нас – накаленность политических страстей. Проблема манипулирования общественным мнением и использования для этих целей средств массовой информации – это актуально.

Вот, наверное, все, что я хотела сказать о программе "Эксперт-Студия". Естественно, она будет жить дальше после завершения проекта.

В заключение хотела бы поделиться вот какой мыслью. Мы говорим о том, что мы не четвертая власть и, по-моему, здесь уже с этим многие согласны. Мы не четвертая власть – и на самом деле так нас, как показали исследования, не воспринимают люди, для которых мы работаем. Многие журналисты сейчас воспринимают себя в качестве инструмента. Причем, некоторые говорят: "Вот я хороший инструмент, соответственно, стою тысячу долларов", "Вот я потупее немножко – поэтому стою пятьсот", "А я так себе – поэтому мне хватит и ста".

В принципе, технократический подход к пониманию себя в профессии сейчас очень распространен, и с этим надо считаться. И более того, в одном человеке может уживаться понимание себя в профессии как личности, которая имеет при этом определенные моральные и другие ограничители, и себя как инструмента. Это можно назвать шизофренией, конечно, но это надо принимать во внимание.

Только сейчас мы начали понимать, что наша свобода ограничена и границы эти очень четко очерчены. Почему так быстро, так стремительно сузились эти границы? Да потому, что мы не понимали, что эти границы есть. Мы рассуждали о какой-то независимости, причем эти разговоры о независимости, о четвертой власти велись вообще на пустом месте. Если мы поймем, что мы зависимы, тогда будем наращивать профессиональные мускулы, потому что двигать эти границы может только профессионал, тот, кого не уволят с работы, если он посмеет иметь собственное мнение и настаивать на собственной позиции.